

УДК 930.85

doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-153-159

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XX в.

© **Цыренова Зинаида Егоровна**

доктор исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: kafbur@mail.ru

В статье рассматривается традиционная культура народов Восточной Сибири в советский период, проанализированы процессы трансформации системы духовных ценностей и культурных установок автохтонного населения в ходе изменений в традиционном типе хозяйствования, реконструированы этнокультурные процессы. Сквозь призму национальной политики партийных и государственных структур советской власти рассмотрены основные направления взаимодействия и взаимовлияния традиционных культур коренных этносов Восточной Сибири с национальными культурами других народов СССР.

Ключевые слова: традиционная культура; языковое и религиозное пространство; трансформация культурной и духовной сфер народов Восточной Сибири; советский период.

Традиционная культура — часть общего понятия культуры, совокупность культурных форм и явлений (орудий, бытовых предметов, норм поведения, обиходных понятий, психического и мировоззренческого комплекса), сложившихся в доиндустриальную эпоху и несущих на себе отчетливую печать локальной и этнической специфики [1, с. 3]. Можно сказать, что вне традиции человеческая психика, а значит и культура, вообще не могла бы эволюционировать. Любая целесообразная деятельность включает в себя механизм повторения и передачи от одной особи к другой. Простейшие привычки, трудовые навыки играли решающую роль в процессе антропогенеза, превращаясь постепенно из индивидуальных и групповых воспроизводимых форм труда в традиционные виды деятельности, формирующие и дифференцирующие социальные общности.

Мы уже отмечали, что различаются культурно-психологические традиции кочевников-скотоводов и земледельцев. Наибольшей устойчивостью и консерватизмом отличались традиции, связанные с религиозными формами общественного сознания.

Традиционной религией бурят, эвенков, тувинцев и хакасов был шаманизм. К началу XX в., с одной стороны, кризис шаманизма, начавшийся еще во времена царизма, усилился, а с другой — происходило пополнение числа шаманов и возрождение местных языческих культов. Подобная парадоксальная ситуация сложилась вследствие отхода от христианства ранее крещенных бурят и эвенков, которые после провозглашения советской властью свободы совести, лишения православной церкви господствующего положения и прекращения миссионерской деятельности пожелали вернуться к своим традиционным мировоззренческим корням. Тем более что шаманы проявляли определенную гибкость к новой власти, формировали «новые правила» культа,

удешевляли обряды, шли навстречу беднякам, «приспосабливались» к советской власти, молясь за нее и здоровье ее деятелей [2, с. 14]. Кроме того, в этот период представители бурятской интеллигенции (Базар Барадин, Солбонэ Туя) провозглашали шаманов носителями национальной культуры, собственно хранителями богатства и красоты бурятского языка и фольклора. И при создании новой культуры предлагали использовать шаманское наследие наравне с литературой, философией и искусством монорелигии — ламаизма [3, с. 153].

Необходимо отметить, что декреты советского правительства затронули в первую очередь православную церковь. Так, в соответствии с Декретом о земле началась передача монастырских, церковных земель и лесов трудовому народу. Провозглашение свободы совести и равенства всех вероисповеданий, отделение школы от церкви, передача ведения актов гражданского состояния местным властям, отмена церковной собственности, лишение церкви каких-либо государственных преимуществ и субсидий — все это обеспечило государственно-правовые условия для подрыва устоев православной церкви и развертывания широкой атеистической пропаганды. Специальных постановлений о буддийских и ламаистских дацанах издано не было. При отсутствии пристального внимания со стороны новой власти и поддержке национальной интеллигенции служители ламаизма расширяли сферу своего влияния, особенно в западных аймаках, где количество дацанов (дуганов) увеличилось с 34 до 44 (в Унге, Алятах, Мурине, на Ольхоне и других местах). Например, ко времени образования БМАССР на ее территории действовало 44 дацана (дугана), 211 православных храмов, 81 старообрядческий молельный дом, 7 синагог, 6 мечетей, 1 костел, 5 баптистских общин. В 73 религиозных школах (при дацанах и церквях) обучалось 4 тысячи учащихся, служило более 9 тысяч лам [3, с. 152].

Однако в самом ламаизме происходили неоднозначные события. Одни исследователи считали это острым кризисом [3, с. 152], другие — обновленческим движением буржуазно-демократического этапа революции [4, с. 84]. В начале XX в. в Бурятии началось религиозное преобразование, суть которого заключалась в ревизии учения по ранним канонам буддизма и ламаизма. Это касалось дисциплинарного кодекса поведения монахов (упорядочения обрядов, церемоний, усовершенствования проповедей) и реорганизации административной системы.

Бурятские просветители-реформаторы А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Б. Барадин исходили из необходимости обращения к раннему учению буддизма как наиболее верному в философском и этическом плане. «Буддизм является философским учением, идеал которого — достижение человеком познания относительности всего бытия», — писал Базар Барадин. «Вообще же истинные ламы, — продолжал Барадин, — это носители грамотности и национальной духовной культуры. Они являются духовенством в европейском смысле слова, то есть они не священники для удовлетворения религиозных потребностей населения, не монахи, не служители культа с определенным долгом служения, необходимой подготовкой, а просто ортодоксальные буддисты, которые хотят сами стать Буддой и достичь нирваны путем неуклонного исполнения определенного минимума обетов и запрещений» [4, с. 229].

Традиционно буддизм считался религиозной практикой спасения, а осмысление буддизма как философской системы позволило идеологизировать данное учение и тем самым создать различные теории общественного развития, базирующиеся на религиозно-нравственных принципах. Философизация буддизма привела к тому, что учение буддизма из религии преобразуется в идеологию, которая объединила местную интеллигенцию в национально-освободительном движении. Данная реформация стала исторически обусловленным процессом, так как Бурятия, Хакасия и Тува были вовлечены в события мировой истории XIX — начала XX в. с ее революционными преобразованиями в области политики, экономики и в духовной сфере. В этнокультурном и религиозном плане эти территории являлись неотъемлемой частью буддийского мира. Следующим закономерным фактором реформации стала включенность всех наций и народностей, иногда в опосредованной форме, в единый исторический процесс развития на уровне базисных изменений производительных сил. Развитие и становление капитализма способствовали социализации общества, что отразилось на духовном, культурном облике общества автохтонов. К сожалению, развитие буддизма как комплекса научных знаний и этического учения личного совершенствования было прервано антирелигиозной деятельностью советской власти.

В первый же год существования Бурят-Монгольской АССР было проведено объединенное заседание бюро обкома РКП(б) и Бурревкома (10 октября 1923 г.), на котором рассматривались вопросы усиления атеистической работы среди бурятского, русского православного и старообрядческого населения [5]. 23 октября 1923 г. состоялось закрытое заседание Президиума Бурят-Монгольского бюро РКП(б), на котором выступил М. Ербанов с докладом «О ламском духовенстве». В результате обсуждения было принято постановление, в котором отмечалось, что «борьба с ламством должна вестись со всей энергией и всеми средствами и методами, какими обладает советская власть и компартия, но, принимая во внимание положение Бурятии как культурно-политического буфера между СССР и Дальним Востоком, необходимо... подойти к делу с особенной чуткостью и осторожностью политического такта». По этому же постановлению запрещался прием в хуваки до 18 лет, а борьба с данным явлением должна была вестись «путем скорейшего введения всеобщего образовательного обучения, развития школьной сети, доступной для детей беднейшего класса населения, и путем антиклерикальной и антирелигиозной пропаганды...». Кроме того, признавалось «недопустимым открытие в дацанах каких бы то ни было школ советского типа во избежание того, что хуварачество может еще более усилиться», «и с учетом специфики монастырской жизни лам» [6].

Подобные меры новой власти вызвали ответную реакцию бурятских просветителей, интеллигенции. Ярким примером является письмо Агвана Доржиева в Наркомат иностранных дел СССР с предложением пересмотреть положение о буддийской конфессии: «В Бурятской республике и Калмыцкой автономной области некоторые декреты и антирелигиозная пропаганда вызывают большое смущение в простом народе; народ, благоговейный к своей религии, учению Будды, ценящий ее выше своей жизни, тоскует и горюет, опасаясь в недалеком будущем видеть полное падение своей религии... У них создается определенное впечатление, что советское правительство заняло

враждебную позицию по отношению к буддизму... Я убежден в том, что в случае прекращения нежелательных явлений антирелигиозной пропаганды и отмены постановлений, препятствующих буддизму, умы всех отвратившихся опять обратятся к Советской России» [7].

По мнению большинства исследователей, подобные факты были характерны для периода колониального закрепощения Индии Англией, тогда буддизм (индуизм) стал восприниматься «как неотъемлемая часть политической культуры, политической идеологии и политического поведения, а религиозные интересы выступали как интересы политические» [8, с. 26], то есть религия превращалась в идеологию.

Интеллигенция из среды коренных народов не только опасалась колониального закрепощения своего народа, но и осознавала необходимость усвоения и распространения европейской культуры как залога прогресса для своего народа, видя в ней воплощение достижений человеческого разума. Таким образом, постепенно формировалась идеология антиколониального национализма, органической частью которой стала идея о необходимости соединения культуры Запада с духовной культурой Востока. Вот почему в своем письме Агван Доржиев предлагает пересмотреть положение о буддийском духовенстве: «Удаление и очищение монастырей административными мерами от всех тунеядствующих монахов, не соблюдающих ни постановления духовного собора, ни основных правил строгой монашеской жизни, изложенных в известном учении Будды “Винаи”, будут только приветствоваться большинством трудового населения и той частью духовенства, которая, подчиняясь постановлениям духовного собора, организовалась в отдельные трудовые общины с целью не эксплуатировать чужой труд. По отношению к этой части духовенства местные власти должны соблюдать благожелательный нейтралитет. Другая часть духовенства должна быть удалена из монастырей...

На основании вышеуказанного через посредство Наркома иностранных дел прошу высшие партийные и советские органы власти СССР: 1. Преподать местным властям БМАССР, национальным областям инструкцию о прекращении принудительного выселения из монастырей лам без разбора их качественного состава. 2. Разрешить буддийским монастырям продолжить принятие лиц, не достигших 18 лет, по просьбе их родителей или их самих для обучения тибетской грамоте и вероучению, но с обязательством одновременного прохождения нормального курса школ первой ступени, открываемых при монастырях за их счет и находящихся под прямым контролем и наблюдением местных органов народного образования. По окончании этих школ и по достижении 18 лет молодые люди могут свободно избрать дальнейший путь жизни.

Такой компромисс вызывается не только прочно укоренившейся в сознании населения традиционной системой вероисповедания, но и, главным образом, самими основами северного буддизма, господствующего ныне в Тибете, Монголии и некоторых частях Северного Китая. Отказ в таком компромиссе население, безусловно, будет расценивать как ограничение свободы вероисповедания» [9].

Ответным шагом власти явилось издание постановления ЦИК и СНК республики о проведении в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению к буддийско-ламаистской церкви». По это-

му документу ламаистская церковь юридически была отнесена к категории частного общества, имеющего своей целью удовлетворение религиозных потребностей своих членов; это общество объединяло верующих мирян, которые пользуются культовым имуществом и по своему усмотрению нанимают или увольняют служителей культа для обслуживания своих религиозных потребностей; вся собственность дацанов переходила к государству, а государство по соглашению с религиозными обществами передавало им в пользование храмы и предметы культа для отправления религиозного ритуала. Были запрещены посвящение в духовное звание, обучение религиозному культу, прием в ламскую общину лиц, не достигших 18-летнего возраста. В феврале 1927 г. было принято постановление о правах лам на землепользование [3, с. 154–155].

Таким образом, реализация декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, национализация дацанских и ламских земель, налоговая политика по отношению к духовенству и другие атеистические мероприятия подорвали социально-экономическое и политическое положение дацанов и ламства региона, начал происходить массовый отход верующих от духовенства.

Новая власть все больше заботилась о развитии и проникновении своей идеологии — марксистско-ленинского мировоззрения. В русле этого атеистическая пропаганда в республике привела к созданию Союза воинствующих безбожников (1925 г.) [3, с. 156], который стал проводить открытые диспуты с религиозными служителями по вопросам религии и атеизма. По поводу диспута «Буддизм и коммунизм» (1928 г.) философ-теолог Агван Доржиев отметил: «Наши ламы не сумели защитить свою религию и потерпели поражение» [10]. В пропаганде антирелигиозных знаний широко использовались общественно-политические публикации в газетах, журналах, художественная литература, искусство, получила развитие художественная самодеятельность. На сценических площадках ставили спектакли, где критически и сатирически изображали ламство и шаманство. На антирелигиозные темы писали А. Шадаев, К. Хадаханэ, Абгайн Тургэн (Сергей Балдаев), Д.-Р. Намжилон, Х. Намсараев, В. Кобяков, А. Платонов, Н. Тарабукин и другие.

В селах и городах атеистическая работа проводилась в форме «комсомольского рождества», антипасхальных выступлений, митингов, демонстраций, карнавальных шествий, где звучали песни и частушки, новые поговорки и пословицы, которые еще больше подрывали авторитет служителей разных конфессий и при этом оскорбляли чувства верующих. К концу 1920-х гг. среди бурят, эвенков и других народов стало проводиться заметно меньше молебнов, сократились общественные пожертвования — тайлганы, прекратились посвящения в шаманы; коллективное шаманство (найгуры) уже не охватывало большой круг улусов, как было до революции; практически вышли из употребления бубны, шаманские костюмы и некоторые другие предметы культа.

Начавшаяся коллективизация, все больше подрывавшая устои сельской жизни, раскулачивание, репрессии окончательно разрушали традиционные устои народов Сибири, в том числе коренных — бурят, эвенков, хакасов, тувинцев. К концу 1920-х гг. сократилось число православных, иудейских, буддийских, мусульманских объединений. Определенную роль сыграли советские праздники, возникшие в противовес религиозным. В бурятских улусах

вместо тайлганов и обо проводились годовщина образования БМАССР, сурхарбаны, прочие массовые культурные и спортивные мероприятия, народные гуляния. Часто праздники завершали антирелигиозными митингами. В ряде аймаков праздник Сагаалган (Новый год по лунному календарю) заменялся социалистическим воскресником. Возникали колхозные производственно-бытовые праздники, связанные с циклом земледельческих работ. Получили распространение «красные свадьбы», октябрины, похороны по революционному, проводившиеся в противовес традиционным религиозным обрядам.

В Туве монастырские хозяйства (чыза) не подвергались конфискации и жестоким преследованиям, но простые араты резко сократили снабжение дацанов продовольствием, топливом и перестали бесплатно работать на них. В результате ламы уходили из чыза, оставляли скот и землю без надзора. К концу 1931 г. остался только один дацан с 15 ламами. В целях предотвращения гибели и расхищения монастырского скота правительство Тувы организовало его передачу на договорных началах аратам на выпас, а позже и в их личную собственность [11].

К середине 1930-х гг., к примеру, на территории Бурятии действовало 132 молитвенных здания, в том числе: православных — 81, старообрядческих — 21, буддийских — 27. В дацанах не было ни одного хуварака, остались только ламы преклонного возраста и высших богословских разрядов. Число служителей культа составляло 1200 [12], большая часть — 1864 человека — была арестована, из них 968 — осуждено. К началу 1938 г. было арестовано 50 лам-эмчи (лекарей тибетской медицины) Ацагатского дацана, все расстреляны. В ноябре 1937 г. арестован выдающийся религиозный и общественный деятель Агван Доржиев, умерший в тюрьме.

Такая картина была типична для всего региона, и в результате проведенные партийными организациями республики атеистические мероприятия подорвали социальные корни религии [3, с. 167]. Более того, по мнению некоторых исследователей, антирелигиозная деятельность советской власти привела к уничтожению одной из «тотальных» форм сознания в разгар ее становления [13, с. 64]. Это связано с тем, что в «традиционном мире» наиболее полно целостность социального бытия отражается в национальной, религиозной и культурной формах сознания, которые и получили обозначение как «тотальные». Дело в том, что в развивающемся обществе еще не произошла дифференциация форм общественного сознания, налицо синкретичность духовного содержания, в котором отсутствует четкое разделение светского и религиозного, индивидуального и коллективного, социального и духовного, это и придает религии устойчивость, сохраняет «тотальный» характер этого вида общественного сознания [14, с. 187–199]. В данном случае религия — это совокупность символов, на основе которых происходят общественная интеграция, зарождение культуры и передача из поколения в поколение ее ценностей. Это подчеркивали национальные философы и интеллигенты периода буддийской реформации начала XX в. Проходившая в данном русле определенная идеология буддизма стремилась не к сохранению института церкви как таковой, а к сохранению религиозной традиции как оплота национальной культуры и самобытности народа. Именно эти ценные элементы духовного содержания коренных народов подрывались, но не были уничтожены советской

властью. В годы войны духовная мощь и стойкость народов России держалась не только на вере в социализм и коммунизм, но и, скорее всего, на сохраненной религиозности народов страны, в том числе коренных этносов Восточной Сибири.

Литература

1. Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988.
2. Байкальский И. Заметки о шаманстве // Атеист. 1926. № 1.
3. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. Т. 2. С. 153.
4. Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1п. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
6. ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 247. Л. 27.
7. ГАРБ. Ф. Р-248 с. Оп. 1. Д. 86. Л. 20. Письмо было адресовано наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину (24 апреля 1925 г.).
8. Полонская Л. Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: Религия в политике и общественном сознании. М., 1991.
9. ГАРБ. Ф. Р-248 с. Оп. 1. Д. 92. Л. 17–18.
10. ГАРБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
11. История Тувы. М.: Наука, 1964. С. 137.
12. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 3. Д. 18. Л. 13, 23, 28, 29.

PROBLEMS OF PRESERVATION OF RELIGIOUS TRADITION AS THE BASE OF THE NATIONAL CULTURE (XX CENTURY)

Zinaida E. Tsyrenova

Buryat State University

24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article deals with the traditional culture of the peoples of Eastern Siberia within the Soviet period, analyzes transforming of the spiritual values and cultural attitudes system of the indigenous population during the change in the traditional economy. Ethno-cultural processes were reconstructed through the prism of the national policy of party and state structures of the Soviet government. The author examines the main directions of interaction and mutual influence of the traditional cultures of the East Siberian indigenous ethnoses with national cultures of other peoples of the USSR.

Keywords: traditional culture; language and religious space; the transformation of the cultural and spiritual spheres in the Soviet period.